

УДК 94:327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-103-113

КОРРЕКТИРОВКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КНР В ХОДЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Воронкова Д. О.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является анализ изменения внешнеполитической деятельности КНР на Ближнем Востоке и в Северной Африке под влиянием событий «Арабской весны». Основное содержание исследования составляет анализ конкретных реакций руководства КНР на вызовы арабских волнений и освещение ряда предпринятых КНР шагов для обеспечения и защиты своих экономических интересов в регионе. По итогам исследований сделаны выводы об отклонении Китая от традиционного внешнеполитического курса, наращивании дипломатических усилий, увеличении вовлеченности КНР в проблемы Ближневосточного региона, а так же о стремлении к большей экономической интеграции экономики КНР со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Все это рассматривается в Китае как способы умиротворения конфликтов в одном из важнейших для его экономики регионов мира. Статья адресована кругу исследователей, занимающихся проблематикой внешнеполитической деятельности КНР на Ближнем Востоке и её влияния на происходящие в регионе процессы.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, «Арабская весна», Ближний Восток, Северная Африка.

THE ADJUSTMENT OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF ARAB SPRING

D. Voronkova

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. This article is aimed at analyzing changes in the foreign policy of China in the Middle East and in North Africa under the influence of Arab Spring. The research involved an analysis of specific responses of China's government to the challenges of the Arab unrest and actions undertaken to ensure and protect its economic interests in the region. The study concludes that China has departed from the traditional foreign policy, intensified diplomatic efforts, increased its involvement in the problems of the Middle East region, as well as aimed for greater economic integration of China's economy with the countries in the MENA region. China regards these measures as ways to pacify conflicts in the region considered to be crucial for its economy. The article may be of interest to researchers working on China's foreign policy in the Middle East and its influence on the processes occurring in the region.

Keywords: foreign policy of China, Arab Spring, Middle East, North Africa.

Масштабные волнения, начавшиеся в конце 2010 г. в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, привели к свержению режимов в ряде стран: Ливии, Йемене, Тунисе, Египте. Эти волнения стали квинтэссенцией сложно переплетенных внешних и внутренних факторов нестабильности в регионе. Вследствие вмешательства в ход событий многих заинтересованных сторон, стремившихся реализовать свои амбиции в хаосе безвластия, и сложных культурных, социальных и политических взаимоотношений в регионе, волнения переросли в гражданские войны в Ливии, Сирии, Йемене, привели к образованию террористической организации «Исламского Государства», к крупным социальным и экономическим катастрофам в ряде стран региона, резкому падению уровня жизни народов в ряде стран, к дальнейшему усилению радикальных исламистов. Волнения стали именоваться «Арабской весной», «Арабским пробуждением», «Арабским бунтом».

Традиционно внешняя политика Китая была призвана обеспечить, в первую очередь, устойчивый экономический внутренний рост. КНР придерживалась принципов невмешательства во внутренние дела стран, не заключала военные союзы и не участвовала в военных действиях, декларировал уважение ко всем типам политических режимов. Основой взаимоотношений для Китая всегда была экономическая целесообразность. При этом руководство КНР стремилось использовать различные средства для развития успешного мирного сотрудничества. Вскоре после начала правления Председателя КНР Ху Цзиньтао, в 2004 г. была создана глобальная сеть Инсти-

тутов Конфуция, поддерживаемая государством, которая охватила к 2010 г. 96 стран и регионов мира [5, с. 10]. Целью этих культурно-образовательных центров было и остается распространение за рубежом китайского языка и китайской культуры для понимания Китая иностранцами, развития дружеских отношений со всеми странами.

На основе сотрудничества Китая и ЛАГ в 2004 г. был основан Форум арабо-китайского сотрудничества. По мнению китайской стороны, этот Форум создал условия для «отношений стратегического и всестороннего сотрудничества» [6, с. 297]. В статье министра иностранных дел КНР Ван И упоминается, что арабо-китайская торговля в период с 2004 по 2014 гг. выросла с 25 млрд. до 239 млрд. долл. США¹. В свою очередь, арабские инвестиции в Китай составили 2,6 млрд. долл. США [9, р. 7]. Во внешнеполитическом ведомстве КНР в 2005–2010 гг. раздавались призывы пересмотреть наказания «держаться в тени» и «хладнокровно наблюдать», особенно после успешного преодоления мирового кризиса 2008–2009 гг. и абсолютного роста экономической мощи, перейти к стратегии «создателя волн», «к сознательному формированию благоприятной международной среды» [7, с. 19].

С точки зрения Пекина регион Залива и Ближний Восток в целом являются центром влияния США, имеющих там развитое дипломатическое, экономическое и военно-техническое

¹ Wang Yi. Strengthen the Forum and Upgrade China-Arab Relations, 03.06.2014 // Embassy of the People's Republic of China in the State of Qatar. URL: <http://qa.china-embassy.org/eng/zxxx/t1161667.htm>

сотрудничество. Пекин, имеющий в регионе более слабые дипломатические отношения, старался избегать прямой конфронтации с США, но не желал разделять их стратегическое бремя, так как Ближневосточный регион для Китая — лишь один из компонентов процесса перераспределения ресурсов [10]. Однако Китай весьма заинтересован в Ближневосточном регионе и в Северной Африке, это вполне определенно показали шаги, предпринятые руководством КНР в процессе развития «Арабской весны», что привело к корректировке внешнеполитического курса в рассматриваемом регионе.

Официальная китайская пресса не передавала сообщений о волнениях, когда они начались в Тунисе [11]. По мере нарастания интенсивности массовых волнений китайское руководство уже не могло умалчивать об этом. После отстранения от власти президента Туниса Бен Али, КНР признала новое переходное правительство. И, несмотря на то, что с тех пор в Тунисе сменилось несколько премьер-министров, КНР успешно поддерживала отношения со всеми. Так, 13 марта 2016 г. в ходе визита в Тунис министра иностранных дел КНР Ван И, президент и премьер-министр Туниса в индивидуальном порядке встретились с ним. Были отмечены прочные отношения, связывающие Тунис и КНР, развивающиеся в позитивном ключе. Ван И отметил, что Китай стремится «как можно скорее превратить традиционную дружбу в импульс прагматичного сотрудничества», «КНР готова поощрять компании страны, участвовать в крупных инфраструктурных проектах Туниса»¹.

¹ Ван И нанес официальный визит в Тунис,

Отставка президента Египта Х. Мубарака была прокомментирована в МИД Китая как «необходимость восстановления общественного порядка и стабильности в стране». После чего был нанесен визит заместителя министра торговли КНР в апреле 2011 г. для обсуждения торговых двусторонних соглашений в Каире. В марте 2012 г. Председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с министром иностранных дел Египта М. К. Амром сказал, что «Китай уделяет повышенное внимание развитию отношений с Египтом» и готов работать над «дальнейшим укреплением взаимного политического доверия», предложил усилить двустороннее сотрудничество². Всего же в 2011–2012 гг. целый ряд поездок был предпринят представителями китайской власти по странам Ближнего Востока и Северной Африки, были расширены отношения с Советом сотрудничества стран Залива (ССЗ). В августе 2011 г. глава Генштаба Китая, генерал Чэнь Биндэ посетил Израиль, в январе 2012 г. китайский премьер Вэнь Цзябао совершил поездку в Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ³.

Китайское правительство стремилось подтвердить безопасность вложенных в регион инвестиций, наладить отношения с представителями

14.05.2016 // Жэньминь Жибао он-лайн: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0514/c31520-9057788.html>.

² Си Цзиньпин встретился с министром иностранных дел Египта, 22.03.2012 // Жэньминь Жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7765476.html>

³ См. публикацию: Bruzzone M. La Cina snobba le sanzioni all'Iran, ma il premier Wen Jiabao è ben accolto nel Golfo, 25.01.2012 // Opinioni La Stampa: блог (<https://www.lastampa.it>) – перевод был опубликован на сайте ИноСМИ под заголовком «Китай не вписывается в общий хор».

новой власти в странах региона и продолжить наращивать экономическое сотрудничество. Вскоре после того, как арабские волнения перекинулись в Ливию, китайский дипломат Цзян Юй подчеркивала уважение Китая к выбору ливийского народа, заявила о всесторонней поддержке инициатив по политическому регулированию и призывала обе стороны конфликта к скорейшему снятию напряжения в стране в интересах народа¹. Ли Баодун, постоянный представитель КНР при ООН также выражал официальную точку зрения Китая об исключительном праве самого ливийского народа решать вопросы внутривосточного устройства страны [3].

Одновременно министр иностранных дел КНР Янг Цзъечи начал переговоры с оппозиционным Национальным Переходным Советом, назвав его «важным партнером по диалогу»². В Совете Безопасности ООН Китай поддержал резолюцию³, вводящую санкции в отношении режима М. Каддафи, замораживающую активы верхушки власти, налагающую эмбарго на продажу оружия, а также постановление СБ ООН о передаче «ливийского досье» в Международный уголовный суд⁴. Это

¹ Заявление официального представителя МИД КНР Цзян Юй о ситуации в Ливии, 20.03.2011 // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/world/20110320/355847329.html>

² Li Lianxing. Libyan Opposition «Important Dialogue Partner», 23.06.2011 // China Daily. URL: www.chinadaily.com.cn/cndy/2011-06/23/content_12756584.htm.

³ Совет Безопасности ООН ввел санкции в отношении нынешнего режима Ливии и постановил передать «ливийское досье» в Международный уголовный суд, 26.02.2011 // Новости ООН: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2011/02/1179041#.VqjLCBWSUK>

⁴ Pop V. China voices worry about Nato civilian

свидетельство того, что китайские власти стали рассматривать действия М. Каддафи как подрывающие стабильность и потенциально оказывающие негативное влияние на экономические договоренности с КНР.

Вместе с тем заместитель министра иностранных дел Фу Ин заявлял, что Китай не поддерживает военные действия против Ливии⁵. Кроме того, Пекин отверг англо-французское предложение о создании международной коалиции для вмешательства и координации действий в Ливии. Председатель КНР Ху Цзиньтао во время встречи G-20 в Нанкине заявил президенту Франции Николя Саркози, что вооруженные силы не решают проблем, их нужно улаживать мирными методами на основе общих интересов [13, p. 2].

Сразу же после отстранения М. Каддафи от власти официальный представитель МИД КНР Ма Чжао-сю заявил, что Китай «уважает выбор народа Ливии», а также «готов работать с международным сообществом и играть активную роль в процессе восстановления страны»⁶. По оценкам китайской стороны, Китай потерял в Ливии по итогам беспорядков 18,8 млн. долл. США⁷; многие квалифицированные китайские рабочие, занятые в инфраструктуре, строительных и нефтяных проектах, были эвакуированы, производственные действия

casualties in Libya, 26.03.2011 // EuObserver. URL: <https://euobserver.com/china/32072>.

⁵ Там же

⁶ См. видео «МИД КНР по конференции в Ливии» на видео-хостинге: <https://www.youtube.com/watch?v=gHkZQqnbKk8>.

⁷ Ding Qingfen. China looks to Arab states for opportunities, 09.04.2011 // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2011-04/09/content_12297375.htm.

приостановлены, а бизнес прекращен [10, р. 73–83].

Некоторые исследователи писали, что Китай реагирует на события в Ливии как «двуликий Янус» [13, р. 2]. Такая двойственная политика КНР в отношении Ливии, возможно, объясняется некоторой натянутостью китайско-ливийских отношений, невзирая на крупные китайские инвестиции в эту страну. Еще в 2009 г. министр иностранных дел Ливии М. Кусса говорил в своем интервью: «Когда мы смотрим на происходящее в мире, мы считаем, что в этом есть что-то сродни китайскому нашествию на Африканский континент. Это то, что заставляет вспомнить о колониализме на Африканском континенте» [13, р. 3]. С этим высказыванием созвучна и риторика Х. Клинтон, которая заявляла о «неоколониализме» в Африке применительно к действиям Китая¹. Китай, в свою очередь, с негодованием отвергал эти обвинения, обвиняя Европу и США в экономическом контроле над Африкой (вместо прямого военного и политического контроля)².

В совокупности это вскрывает ряд проблем, вызванных нарастающим соперничеством США и КНР. Возможно, позиция Китая была обусловлена враждебным настроением ЛАГ по отношению к режиму М. Каддафи. Следует отметить, что после смены режима Китаю удалось скупить значительные

активы на территории Ливии и некоторые активы Ливии в других африканских странах по сниженным ценам. Согласно данным китайской таможенной службы, объем товарооборота между Китаем и Ливией уже после революции возрос на 215%³.

Однако насильственные действия в Ливии, как представляется, окончательно убедили руководство КНР в необходимости повышения уровня участия в решении проблем региона. Как 2009–2011 гг., так и в последующие годы КНР проводила «напористую» внешнюю политику. Это позволяет сделать вывод об изменении внешнеполитического курса Китая, окончании политики невмешательства [8, с. 125].

С началом протестов против действующей власти в Сирии, в октябре 2011 г. КНР наложила вето на резолюцию по ситуации в Сирии в Совете Безопасности ООН на основании непосредственной угрозы этого документа для «суверенитета, независимости и территориальной целостности» сирийского государства. 5 февраля 2012 г. Китай (вместе с Россией) вновь наложил вето на резолюцию СБ ООН с призывом к отставке Б. Асада, опасаясь, что это приведет к повторению вторжения войск НАТО по «ливийскому сценарию»⁴.

Невзирая на декларируемое неучастие Китая в военных союзах, Китай

¹ Clinton warns against “new colonialism” in Africa, 11.06.2011 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-clinton-africa/clinton-warns-against-new-colonialism-in-africa-idUSTRE75A0RI20110611>.

² RPT: China Voice: Who's Africa's neo-colonialist? 27.11.2015 // Xinhua. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2015-11/27/content_37179109.htm.

³ Elumami Ahmed. Chinese Delegation Arrives to Discuss Resuming Work and War Compensation, 05.03.2013 // Libia Herald. URL: <http://www.libyaherald.com/2013/03/05/chinese-delegation-arrives-to-discuss-resuming-work-and-war-compensation/#axzz5hIMtaJL9>.

⁴ См.: Россия и Китай наложили вето на резолюцию Совбеза ООН по Сирии, 04.02.2012 // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20120204/556983069.html>

является, по сути, союзником Ирана, Сирии и России, действующих заодно против приверженцев свержения Асада. Руководство страны неоднократно выражало несогласие с вмешательством третьих сил в гражданскую войну в Сирии, включая гегемон региона США, поддерживающие полутеррористическую оппозицию, и основные нефтедобывающие страны ЛАГ, лояльные к США и сотрудничающие с Китаем, особенно Саудовская Аравия, являющаяся непримиримым врагом Ирана.

Реальность потребовала от Китая решительных и своевременных действий по защите своих экономических интересов от рисков конфликтов в странах региона, особенно в свете нарастающего соперничества КНР и США. По мнению некоторых китайских исследователей, «Китаю не хватает «опорного» государства на Ближнем Востоке, обладающего довольно серьезным влиянием в определенной группе стран и способного поддержать стратегию Китая с позиции силы или геополитики», каковыми могут стать Египет или Иран¹. Можно сделать предположение, что с развитием бурных событий «Арабской весны» Китай начал осознавать, что для эффективной защиты своих интересов в современном мире невозможно отделять экономику от политики, необходимо использовать оба этих инструмента для реализации своих целей.

¹ См. перевод публикации, размещенной 12.01.2018 на сайте Guancha Шанхайского института стратегических исследований «Чуньцзю»: Лю Шенсян, Ху Сяофэн. Ближний Восток заставляет США нервничать; как Китай может использовать эту возможность и выиграть время (часть 3). URL: <https://inosmi.ru/politic/20180131/241309428.html>

Важнейшим, жизненно важным интересом Китая на Ближнем Востоке и в Северной Африке является импорт энергоносителей. Быстрый экономический рост сделал Китай крайне зависимым от сырья. Половину всей импортируемой нефти Китай поставляет из Саудовской Аравии и Ирана. Волнения в Арабском мире и нарастающее соперничество с США заставили КНР серьезно опасаться прекращения стабильного доступа к энергоресурсам. Несмотря на то, что энергетическая политика Китая опирается на меркантилистскую логику, Китай очень уязвим для блокады или перебоев в поставках нефти: им импортируется 60% нефти, 90% из которой – морем².

Как следствие, Китай предпринимает ряд мер для обеспечения бесперебойного импорта нефти: строит свои танкеры (перевоза уже 50% ближневосточной нефти на своих танкерах), диверсифицирует поставщиков нефти, вкладывает огромные инвестиции в покупку и развитие нефтяной инфраструктуры по всему миру [12, р. 192]. Так, например, Китай является самым крупным инвестором в нефтяной промышленности Ирака³, выделяет средства на модернизацию собственного ВМФ [12, р. 195]. По данным SIPRI (Стокгольмского международного института исследований проблем мира), Китай стал третьим по величине экс-

² Du Juan. Nation Weighs Shipping System for Oil Imports, 22.03.2012 // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2012-03/22/content_14885310.htm.

³ Reissa Su. ISIS War: China Offers Military Support To Iraq But Declines Joining U.S. – Led Coalition, 16.12.2014 // International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.com.au/isis-war-china-offers-military-support-iraq-declines-joining-us-led-coalition-1398125>.

портером основных вооружений в мире в 2010–2014 гг. [14]. Военный бюджет Китая неуклонно растет с каждым годом, составив 100 млрд. долл. США в 2009 г. и 175 млрд. – в 2018 г.¹, что связано с внутривнутриполитическими и внешнеполитическими аспектами. Кроме того, регион Северной Африки и Ближнего Востока – это ключевой рынок для оффшорного строительства и инжиниринговых компаний. Как представляется, руководство КНР склонно рассматривать «Арабскую весну» с точки зрения геоэкономики. Экономические интересы были и остаются доминирующим (но не единственным) фактором, определяющим внешнюю политику КНР по отношению к странам региона для обеспечения непрерывного доступа к ресурсам.

Волнения в арабских странах, вызвавшие очередной всплеск радикального исламизма, вызвали серьезную озабоченность руководства Китая. В отсутствие сильной центральной власти в стране сложно ожидать стабильного выполнения экономических обязательств. Китай опасается разрастания радикального исламизма на свою территорию, особенно на Синьцзян-Уйгурский автономный округ, населенный преимущественно мусульманами. Призывы ИГИЛ к радикалам Восточного Туркестана участвовать в ее деятельности вызывают серьезные опасения у руководства КНР, бросая вызов безопасности и внутренней стабильности пограничных районов [2]. Вследствие этих опасений Китай пред-

¹ China to increase 2018 defense budget by 8.1 percent, 05.03.2018 // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/05/c_137016482.htm.

ложил Ираку свою помощь в борьбе с ИГ².

Действия ИГИЛ на Ближнем Востоке угрожают интересам КНР за рубежом, безопасности перевозок энергоносителей, китайским специалистам, работающим там, активам китайских компаний. Например, после свержения Х. Мубарака египетский участок нефтепровода практически прекратил функционировать вследствие подрывной деятельности исламистов, а количество взрывов исчислялось десятками³. В стремлении укрепить свое положение в регионе Китай повысил не только дипломатическую, но и экономическую активность. Помимо увеличения внешнеполитической активности, в сентябре 2012 г. Вэнь Цзябао, бывший в то время премьером Госсовета КНР, выступил в г. Урумчи с докладом «Восстановление величия Великого Шёлкового пути» [1, с. 18], а в 2014 г. при Председателе КНР Си Цзиньпине была опубликована глобальная экономическая инициатива «Один пояс, один путь», состоящая из сухопутной и морской составляющих и направленная на всеобъемлющее взаимовыгодное экономическое сотрудничество со странами Восточной Азии и АТР, Центральной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки [4, с. 28–29].

Было объявлено о строительстве «сухопутного и морского “шелковых путей”» XXI в. Трансконтинентальные пути призваны объединить шестьдесят стран вокруг себя. Таким образом,

² China offers military help to Iraq to defeat ISIS, 14.12.2014 – report // Russia Today. URL: <https://www.rt.com/news/214243-china-iraq-military-isis>.

³ Al-Arish gas pipeline explodes for 28th time // Daily News Egypt. 2015. 3 Feb.

можно говорить о начале создания новой экономической системы. Кроме того, был предпринят ряд шагов по увеличению привлекательности КНР для иностранных инвесторов, в 2014–2015 гг. в стране был упрощен порядок регистрации и экспорта капитала, сняты 90% ограничений для инвесторов. Был создан Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций (АБИИ), предприняты меры для превращения юаня в свободно конвертируемую валюту и ряд иных шагов [1, с. 24].

Одним из примеров нарастающей дипломатической активности Китая для продвижения своих интересов в Ближневосточном регионе является активное участие КНР в дипломатических консультациях для обеспечения успешного заключения «ядерной сделки» стран Запада с Ираном в 2015 г. Тем не менее китайское руководство посчитало излишним вмешательство в конфликт Саудовской Аравии с Ираном в 2016 г.

Как представляется, Китай стремится усилить экономическое давление в Азии и на Ближнем Востоке, предлагая всеобъемлющие экономические проекты, в которых заинтересованы партнеры КНР. Одновременно КНР плавно наращивает дипломатический нажим в регионе для обеспечения и продвижения своих интересов, т. к. «неустойчивый, полный опасностей Ближний Восток не соответствует государственным интересам КНР»¹. Как полагают некоторые китайские исследователи, действующая ближневосточная стратегия Китая испытывает сложности в связи с гегемонией США

¹ См. указанную выше публикацию: «Лю Шенсян, Ху Сяофэн. Ближний Восток заставляет США нервничать ...».

в регионе и угрозой ИГИЛ и, следовательно, неэффективна, и Китаю следует выдвинуть более проработанную программу китайской стратегии на Ближнем Востоке, которая ясно покажет миру позицию КНР. На основе этой стратегии, по мнению научных экспертов, можно более эффективно строить взаимоотношения с партнерами Китая в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и взаимодействовать с иными государствами, имеющими интересы в этом регионе².

Анализируя изменения внешнеполитического курса КНР в связи с арабскими волнениями, необходимо еще раз подчеркнуть, что начиная с 1976 г., внешняя политика руководства КНР ориентировалась, прежде всего, на выстраивание взаимовыгодных экономических отношений со странами всего мира, придерживаясь политики невмешательства в региональные конфликты, неучастия в военных союзах.

Вследствие событий «Арабской весны» и их угрозы экономическим интересам Китая в регионе, руководству КНР пришлось активно отстаивать свои интересы как в Совете Безопасности ООН, так и на региональном уровне, налаживая связи с новыми правительствами и подтверждая экономические обязательства, развивая и укрепляя дальнейшее сотрудничество, оказывая помощь давним союзникам, например, Ирану в заключении «ядерной сделки» в 2015 г. «Арабская весна» побудила КНР рассматривать политическую ситуацию в одном из важней-

² См. перевод продолжения публикации: «Лю Шенсян, Ху Сяофэн. Ближний Восток заставляет США нервничать ... (часть 4)». URL: <https://inosmi.ru/politic/20180201/241314379.html>

ших для Китая регионов не только как средство для обеспечения внутренних экономических реформ, но и как геэкономическую проблему.

Таким образом, можно сделать выводы, что краткосрочной целью КНР в регионе является поддержка бесперебойного импорта энергоносителей, среднесрочной – стабилизация и умиротворение Ближнего Востока, а долгосрочной – создание между КНР и странами Ближнего Востока и Се-

верной Африки «сообщества с единой судьбой». Для обеспечения своей внешнеполитической стратегии руководство Китая выдвинуло ряд инициатив для большей интеграции экономики Китая в Центральную Азию, Ближний Восток и Северную Африку, совмещая, таким образом, и дипломатический нажим, и привлекательные экономические проекты.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельбрас В. Г. Геэкономическая стратегия Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С.15–24.
2. Кокарев К. А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке, 11.03.2015 // РИСИ: [сайт]. URL: <https://riss.ru/analytics/11007/> (дата обращения: 10.01.2019).
3. Кузнецовский В. Д. Казус Ливии и проблема государственного суверенитета, 09.06.2011 // Международная жизнь: [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7704> (дата обращения: 10.01.2019).
4. Лузянин С. Г. «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 27–36.
5. Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция. 2011. № 1 (4). С. 5–16.
6. Пахомова М. А. Форуму китайско-арабского сотрудничества 10 лет: краткий очерк истории и структуры // Общество и государство в Китае. 2014. № 14-1. С. 294–299.
7. Портяков В. Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 5–28.
8. Портяков В. Я. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // Доклады ИДВ РАН – 2011. С. 124–153.
9. Calabrese J. China and the Arab Awakening: The Cost of Doing Business // China Report. 2013. Vol. 49 (iss.1), pp. 5–23.
10. Chaziza M. The Arab Spring: Implications For China Policy // Middle East Review of International Affairs. 2013. Vol. 17, no. 2. P. 73–83.
11. Fallows J. Arab Spring, Chinese Winter // The Atlantic. 2011. September iss. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/09/arab-spring-chinese-winter/308601/> (дата обращения: 10.01.2019)
12. Lind J., Daryl G. Press. Markets or Mercantilism? How China Secures Its Energy Supplies // International Security. 2018. Vol. 42, no. 4. P. 170–204.
13. Parelo-Plesner J., Pantucci R. China's Janus-Faced Response To The Arab Revolutions (ECFR34 Policy Memo). London: European Council on Foreign Relations, 2011. 10 p.
14. Wezeman S. T., Wezeman P. D. Trends in international arms transfers, 2014. SIPRI Fact Sheet. 2015. 8 p.

REFERENCES

1. Gel'bras V. G. [Geo-economic strategy of China]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2016, no. 1, pp. 15–24.
2. Kokarev K. A. [On Chinese interests in the Middle East, 11.03.2015]. In: *Rossiiskii Institut Strategicheskikh Issledovaniy* [Russian Institute for Strategic Studies]. Available at: <https://riss.ru/analitics/11007/> (accessed: 10.01.2019).
3. Kuznechevskii V. D. [The case of Libya and the issue of state sovereignty, 09.06.2011]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/7704> (accessed: 10.01.2019).
4. Luzyanin S. G. ["One Belt, One Road": Russian projection and connectivity issues]. In: *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2017, no. 22, pp. 27–36.
5. [Liú Yándōng. Collaboration for the sustainable development of Confucius institutes: the keynote speech at the 5th Congress of Confucius Institutes]. In: *Institut Konfutsiya* [Confucius Institute], 2011, no. 1 (4), pp. 5–16.
6. Pakhomova M. A. [10 years since the establishment of the forum on China-Arab cooperation: a short outline of history and structure]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2014, no. 14-1, pp. 294–299.
7. Portyakov V. Ya. [The foreign policy precepts of Deng Xiaoping and their modern interpretation]. In: *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2012, no. 5, pp. 5–28.
8. Portyakov V. Ya. [On some features of China's foreign policy in 2009–2011]. In: *Doklady Instituta Dal'nego Vostoka RAN – 2011* [Reports of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences – 2011], pp. 124–153.
9. Calabrese J. China and the Arab Awakening: The Cost of Doing Business. In: *China Report*, 2013, vol. 49 (iss.1), pp. 5–23.
10. Chaziza M. The Arab Spring: Implications For China Policy. In: *Middle East Review of International Affairs*, 2013, vol. 17, no. 2, pp. 73–83.
11. Fallows J. Arab Spring, Chinese Winter. In: *The Atlantic*, 2011, September iss. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/09/arab-spring-chinese-winter/308601/> (accessed: 10.01.2019)
12. Lind J., Daryl G. Press. Markets or Mercantilism? How China Secures Its Energy Supplies. In: *International Security*, 2018, vol. 42, no. 4, pp. 170–204.
13. Parello-Plesner J., Pantucci R. China's Janus-Faced Response To The Arab Revolutions (ECFR34 Policy Memo). London, European Council on Foreign Relations, 2011. 10 p.
14. Wezeman S. T., Wezeman P. D. Trends in international arms transfers, 2014. SIPRI Fact Sheet, 2015. 8 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронкова Дарья Олеговна – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aairon@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya O. Voronkova – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: aairon@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронкова Д. О. Корректировка внешнеполитического курса КНР в ходе событий «Арабской весны» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 103–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-103-113

FOR CITATION

Voronkova D. The Adjustment of China's Foreign Policy in the Context of Arab Spring. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 103–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-103-113